

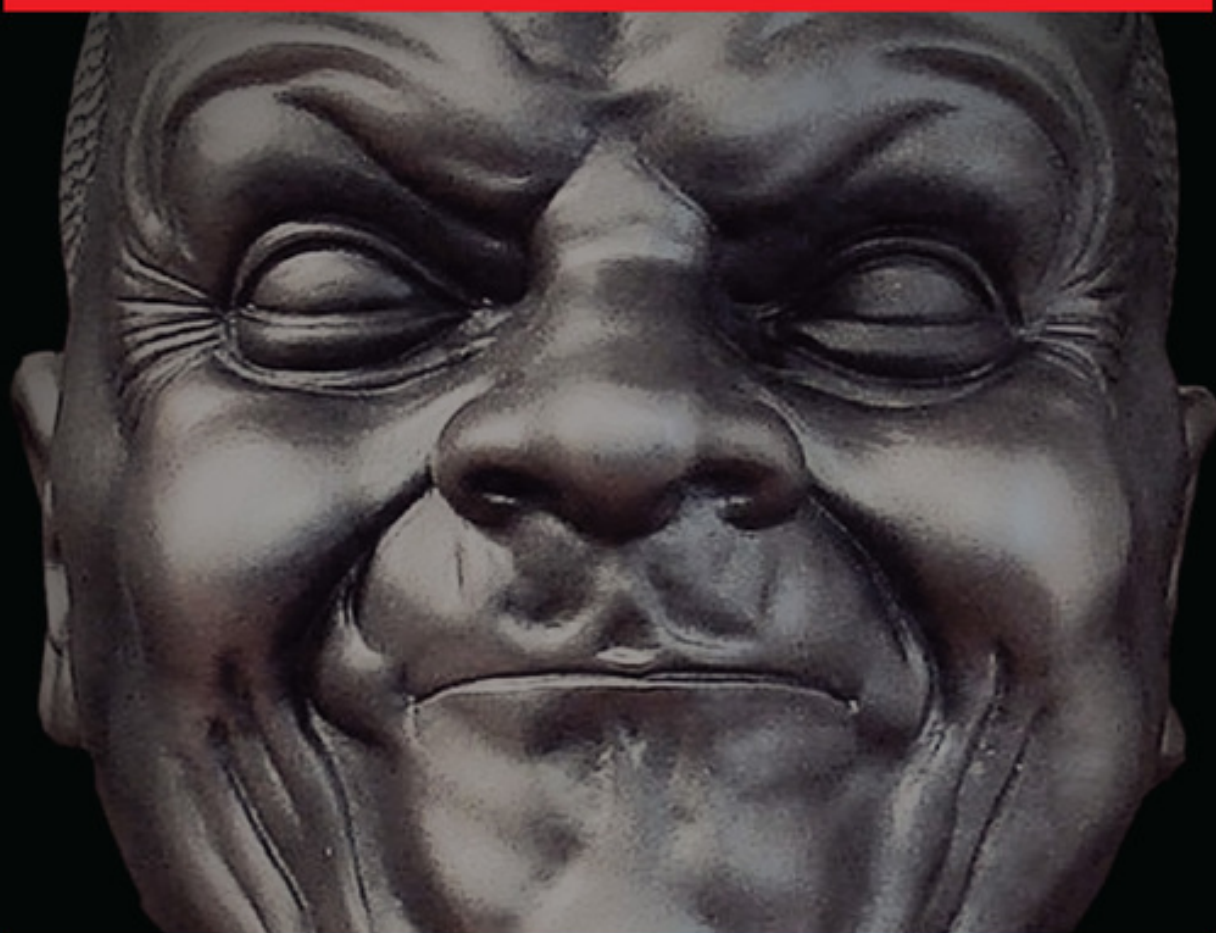

ЛЕВИАФАН

ЮРИЙ МУХИН

ЧУЖИЕ И СВОИ

**Русская власть от Екатерины II
до Сталина**

Левиафан

Юрий Мухин

**Чужие и свои. Русская власть
от Екатерины II до Сталина**

«Алисторус»

2016

УДК 94(470):929
ББК 63.3(2)-8

Мухин Ю. И.

Чужие и свои. Русская власть от Екатерины II до Сталина /
Ю. И. Мухин — «Алисторус», 2016 — (Левиафан)

ISBN 978-5-906861-13-9

Еще В. О. Ключевский отмечал, что в русском народе парадоксальным образом сочетаются уважение, даже преклонение перед властью – и ненависть к ней, доходящая до полного отторжения. Свою новую книгу Юрий Мухин начинает с галереи русских правителей, военных и государственных деятелей с XVIII до XX века: перед читателем предстанут Екатерина II, Потемкин и Суворов, Николай I и Николай II, Сталин. На их примерах автор показывает, за что любят или не любят власть в России. Свои рассуждения Ю. Мухин подтверждает подробным анализом политики государства в отношении основной массы населения России – крестьянства – в эпоху правления Николая II, Ленина и Сталина.

УДК 94(470):929
ББК 63.3(2)-8

ISBN 978-5-906861-13-9

© Мухин Ю. И., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Недостатки начальников	6
А. Суворов	6
Г. Потемкин	11
Екатерина II Великая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юрий Мухин
Чужие и свои. Русская власть
от Екатерины II до Сталина

© Мухин Ю. И., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Недостатки начальников

А. Суворов

Сразу скажу, что есть начальники, а есть мразь на месте начальников, да еще и тупая. Ради разнообразия я буду говорить не о таких начальниках – не о мрази. В этой работе я буду писать о нормальных начальниках.

В мои годы уже не осталось книг, весь текст которых был бы для меня незнакомым. Поэтому я не прочел, а только просмотрел работу В. С. Лопатина «Суворов и Потемкин», отметив, во-первых, малоизвестный мне взгляд на персонажей той эпохи, скажем, на того же А. В. Суворова, во-вторых, универсальность требований к начальникам во все времена. Вот и решил на фактах этой сугубо исторической работы и сам написать работу на достаточно необычную и в то же время банальную тему – на тему недостатков начальников. Ведь эта тема актуальна и сегодня, не так ли?

Надо сказать, что в книге Лопатина очень много документов той поры, поскольку Лопатин написал эту книгу, чтобы смыть с Потемкина грязь клеветы завистников той эпохи, а этих завистников у Потемкина – этого выдающегося государственного деятеля России – было хоть пруд пруди. Своей цели Лопатин, безусловно, достиг, а я воспользуюсь «нарытыми» им фактами для своей цели.

Итак, в книге Лопатина схематически и без больших подробностей, но достаточно четко описана «управленческая вертикаль», состоящая из высшего и очень своеобразного руководителя – императрицы Екатерины II. Далее – из ее подчиненного, выдающегося государственного деятеля России Г. Потемкина, и затем – уже его подчиненного, выдающегося Воина (так точнее будет) России А. Суворова, который, в свою очередь, был начальником своих подчиненных. Екатерина, Потемкин, Суворов – по-настоящему выдающиеся и очень необычные люди России, это так. Но ведь ни на одного из них не получится написать икону без изрядных затруднений, поскольку и эти люди были не без недостатков.

Начну с младшего в этой троице – с Суворова.

Поскольку с Александра Васильевича написано очень много лубочных сусальных картинок, то начну с его главного и, возможно, единственного недостатка – необычайно большого, даже болезненного и, я бы сказал, рафинированного славолубия. Рафинированного потому, что Суворов был Воин с большой буквы, то есть не жил там, где отдают всякие почести, – в столицах и высшем свете, – а жил там, где идет или готовится война. И поэтому потребность в своей славе потребностями в почестях не пачкал. Ему нужна была только слава! В чистом, рафинированном виде. Ему надо было, чтобы о нем все говорили, чтобы им все восхищались как великим полководцем.

Ведь Суворов очень медленно рос в должностях и по-настоящему начал претендовать на славу уже в очень преклонные годы, может, поэтому он жаждал чистой славы – славы как таковой.

А проблема со славой Суворова была в том, что императрица достаточно быстро исчерпала все прославляющие воина награды. (В те годы еще прекрасно понимали, что такое ордена, поэтому по десять одних и тех же цапек на грудь не вешали). Тем не менее, казалось бы, ну какие у Екатерины могли быть проблемы? Ведь универсальной и официальной при царях наградой были деньги и имения – давай ему деньги и имения! Но Суворову (кстати, достаточно рачительному хозяину) деньги и имения были безразличны, ему было неважно, богат он или нет, ему, повторюсь, важно было, чтобы все считали его самым выдающимся в мире полководцем. А как это можно подтвердить или доказать деньгами? Никак!

Такой вот примечательный момент.

«Суворов разработал план укрепления границ, исходя из полученных при отъезде указаний, и немедленно приступил к его осуществлению. Однако присланные им сметы, требовавшие значительных ассигнований, не были утверждены. Отношения с Портой изменились в лучшую сторону, и с форсированным строительством крепостей можно было подождать». Что значит «приступил к осуществлению»? Это значит, Суворов, посланный строить укрепления, от своего имени заключил договоры с подрядчиками на строительство крепостей. И как быть теперь с этими договорами, на которые Петербургом не отпущены деньги, а подрядчики уже понесли затраты? «Суворов действовал решительно. Он послал Хвостову доверенность на продажу своих деревень, чтобы выплатить неустойку подрядчикам». Нет, думаю, Суворов был не прост и знал, что Екатерина его любит, но все же – каков! Ведь могла и не прореагировать. Но, правда, как и ожидалось, императрица прореагировала и распорядилась «отпустить двести пятьдесят тысяч из банка Графу Суворову Рымникскому».

Поэтому проблема, как наградить Суворова, довольно быстро стала острой, поскольку желание славы у Суворова было маниакальным. Вот встревоженная императрица посылает на подавление Пугачевского восстания и Суворова, еще не очень славного генерала, но подающего надежды и только что произведенного в генерал-поручики. Там уже с войсками Пугачева тяжело, но реально воевали генерал-аншеф А. Бибииков, генерал-поручики П. Голицын и П. Мансуров, генерал-майоры В. Кар, Ф. Фрейман, К. Валленштерн, А. Корф, И. Деколонг и особенно отличившийся подполковник Михельсон. Наконец, императрица добавила к ним и генерал-аншефа П. Панина.

Суворов так спешил, что выехал без вещей, о чем сообщил Потемкину, а тот – Екатерине. Та, разумеется, послала Суворову 6 тысяч рублей на «приодеться». Однако Суворов все равно не успел – к его приезду на театр военных действий уже наступила агония Пугачева. И Суворов рвется в погоню за Пугачевым, забрав у Михельсона кавалерию и этим опережая самого подполковника, но Пугачева уже предали близкие ему казаки, связали самозванца и повезли сдавать императрице. И как раз наткнулись на Суворова. Так Суворов «пленил» Пугачева. Естественно, что Суворова, в отличие от остальных участников подавления бунта, не наградили, возможно считая, что 6 тысяч рублей на костюмчик будет достаточно. И Суворов, бедный, несколько лет в письмах сетовал, что остался без награды за то, что Пугачева пленил.

Вообще-то, это славолубие выглядит у Суворова болезненной манией, поскольку, скажем, от неудовлетворенности наградой за Измаил Суворов начал интриговать против Потемкина, перебежав в лагере врагов Потемкина фаворита Екатерины Платона Зубова. А ведь Суворов всегда хвастался своей честностью, а тут фактически предал Потемкина, своего давнишнего покровителя, который, по сути, и сделал из Суворова того, кем тот стал.

Как это объяснить? Я объясняю эту манию потребностью Суворова как Воина в предметном, овеществленном выражении полезности своей службы.

Ведь будь Суворов корыстным бандитом, он бы находил удовлетворение от сражений в материальных плодах войны – в грабеже или денежных наградах. Но его это не интересовало. Будь он садистом, то находил бы удовлетворение от сражений в убийствах, но он не был садистом, мало этого, именно Суворову принадлежит вывод о том, что трусы жестокосердны. К примеру, разгромив восстание поляков (накануне еще и предавших Россию в войне с Турцией), он отпустил по домам восставших, хотя и войска жаждали мести за то, что взбунтовавшиеся поляки в Варшаве вырезали несколько тысяч безоружных русских, да и Екатерина считала полезным их наказать.

Нет, Суворов был идеальным Воином и ничего, кроме славы, не желал! Но уж ее желал – так желал! Ко всем и к каждому пустяку ревновал.

Вообще-то, принято считать Суворова выдающимся полководцем, и это так, но я бы считал его прежде всего самым выдающимся Воином в истории России, поскольку именно это

свойство и сделало его самым выдающимся полководцем. Суворов жил сражениями, он жаждал их! Он не мог переносить мирную жизнь. Нет, он понимал, что войны ведутся для мира, но и в перерыве между войнами он искал себе военное дело – или крепости строить, или войска обучать, или экспедиции для нового военного похода готовить. Не балы и празднества, не подброшенные в воздух чепчики, а вот это было его!

Но главное – сражаться! Суворову по-своему повезло – век был очень беспокойный, насыщенный войнами, но ему и тех войн было мало. Он редко попадал в мирную жизнь (редко получал отпуска), но и в этих редких паузах Суворов маялся, не перенося такой жизни, и в письмах ныл, выпрашивая себе участие в каком-нибудь военном предприятии. Вот Суворову уже 54 года (по тем временам возраст уже очень не малый), в качестве отпуска или службы полегче его назначили командиром 6-й Владимирской дивизии, дислоцированной в тылу. А возле частей этой дивизии была, кстати, и его родовая усадьба, по которой у него после десятилетий отсутствия было множество дел. Казалось бы, служи и радуйся!

Но Суворов даже тут мается и забрасывает Потемкина письмами: «Я был в Санкт-Петербурге пасть к Высочайшим стопам и был принят милосердно. Ныне еду в мои деревни, прикосновенные расположению шестой дивизии. Приятность сей праздности недолго меня утешить может. Высокая милость Вашей Светлости исторгнет меня из оной поданием случая по Высочайшей службе, где я могу окончить с честью мой живот». Он сам понимает, что уже немолод, и, как видите, у него ясно выраженная мечта – умереть не в родовой деревне, а на поле боя.

Он всегда завидовал тем, кто сражался.

Вот Суворов в славнейшей Кинбурнской баталии отбил мощнейшую турецкую атаку на Кинбурнскую косу, расположенную у входа в Днепровско-Бугский лиман, напротив тогдашней турецкой крепости Очаков. В письме Потемкину он хвалит не только русских, что естественно, но и турецких солдат (о которых в нашей отечественной истории не очень высокое мнение): «Какие же молодцы, Светлейший Князь, с такими я еще не дрался; летят больше на холодное ружье...» В этом бою Суворов получил две раны, потерял много крови, но командования вверенными войсками не оставил. Потемкин пишет о нем императрице: «Над всеми ими в Херсоне и тут Александр Васильевич Суворов. Надлежит сказать правду: вот человек, который служит и потом, и кровью. Я обрадуюсь случаю, где Бог подаст мне его рекомендовать. Каховский в Крыму – полезет на пушку с равною холодностью, как на диван, но нет в нем того активитета, как в первом. Не думайте, матушка, что Кинбурн крепость. Тут тесный и скверный замок с ретраншементом весьма легким, то и подумайте, каково трудно держаться тамо. Тем паче, что с лишком сто верст удален от Херсона».

Однако через несколько дней в устье лимана вошел турецкий флот, наши его ждали. Лиман мелок и по этой причине неудобен для больших парусных кораблей, которым нужны большие пространства для маневра. И Потемкин специально для войны в лимане приказал приостановить строительство парусных кораблей для Севастополя и в тайне построить гребной флот (большие лодки с одной пушкой на каждой). Турки вошли и начали пристраиваться для нападения на осадившие Очаков наши войска. И ночью хорошо замаскированная Суворовым и не замеченная турецким адмиралом на оконечности косы батарея открыла по турецким кораблям в лимане огонь и потопила 7 кораблей (1500 человек экипажа, 120–130 орудий). Мало этого, турки, в темноте не поняв, кто и откуда по ним стреляет, потеряли ориентировку и начали беспорядочно маневрировать, от этого их корабли начали садиться на мели. Григорий Потемкин тут же воспользовался случаем и послал громить ставшими неподвижными турецкие корабли лодками под командованием французского авантюриста, принца Нассау. Пять турецких линейных кораблей лодки принца сожгли и взорвали, один фрегат взяли на абордаж, турки отплыли под стены Очакова, но Нассау и тут их достал. Всего в этих боях было уничтожено 15 турецких кораблей (больше, чем на тот момент имел Черноморский флот в Севастополе). Победа была полная!

Да, но ведь это победа на море, а раненый Суворов сидел на берегу косы и как бы ничего не делал – у него только батарея стреляла. И он докладывает Потемкину: «Я только зритель; жаль, что не был на abordage; Принцу Нассау мне остается только ревновать. Отправляю пленных в Херсон». Ну, посмотрите на него! Суворову только что одержанной победы в Кинбурнской баталии и двух ран мало! Ему, 57-летнему раненому победителю, еще и на abordage хотелось! Он (уже признанный герой сухопутных сражений) еще и к славе моряков ревнует!

Надо подчеркнуть, что Суворов был выдающимся по культуре человеком, помнящим и использующим огромный по тем временам объем знаний, к примеру из его писем видно, что он изучил практически все мало-мальски заметные битвы в истории человечества. Кроме того, в начале карьеры он долго служил на тыловых и штабных должностях, то есть знал военное дело во всех его нюансах, на всю глубину и со всех сторон.

Вот запомнившийся мне момент. Во «второй» турецкой войне союзниками России была Австро-Венгерская империя, но она в ходе войны Россию предала – заключила с турками сепаратный мир. Русские войска, в том числе и корпус Суворова, действовавшие в отрыве от своих войск вместе с австрийцами, остались одни и могли быть подвергнуты ударам превосходящих сил турок. Встревоженная Екатерина шлет гонца к Потемкину с известием о выходе Австрии из войны, Потемкин тут же шлет гонца к Суворову, чтобы тот был начеку. А Суворов отвечает шефу, что он к этому готов, поскольку его собственная разведывательная агентура сообщила ему об этом предательстве еще два дня назад. Как видите, Суворов прекрасно понимал роль разведки, судя по всему, она у него была поставлена на очень высоком уровне, поскольку нет сведений, что Суворова какой-то противник смог взять врасплох хотя бы на начальной стадии сражения.

Поэтому можно сказать, что вот грамотным был Суворов, поэтому и был великим полководцем. Академии, академии надо заканчивать! Не соглашусь! Суворов был великим Воином и только поэтому стал грамотным, только поэтому стал великим полководцем.

Потемкин и Екатерина в Суворове это хоть и поздно, но распознали и использовали. Вот строки из письма Потемкина императрице после победы Суворова при Рымнике: «Он на выручку союзных обратился стремительно, поспел, помог и разбил. Дело все ему принадлежит, как я и прежде доносил. Вот и письмо Кобурхово, и реляция. Не дайте, матушка, ему уныть, ободрите его и тем сделаете уразу генералам, кои служат вяло. Суворов один. Я, между неограниченными обязанностями Вам, считаю из первых отдавать справедливость каждому. Сей долг из приятнейших для меня. Сколько бы генералов, услыша о многочисленном неприятеле, пошли с оглядкой и медленно, как черепаха, то он летел орлом с горстиею людей. Визирь и многочисленное войско было ему стремительным победением. Он у меня в запасе при случае пустить туда, где и Султан дрогнет!»

Да, Суворов был удивителен тем, что жаждал сражений. Другие жаждали тихой жизни, больших имений, денег, почестей, а он – сражений!

Ведь под Измаилом тогдашние известные генералы русской армии (да и выслугой они были старше Суворова) бросили Измаил осаживать, поскольку не имели надежд взять эту первоклассную крепость с гарнизоном, превосходящим по численности русские войска вокруг крепости. Расстреляв артиллерийские огнеприпасы, командовавшие русскими осадными войсками генералы Репнин, Гудович и дальний родственник Григория Потемкина – Павел Потемкин начали отводить войска от крепости в тыл. И вот тогда фельдмаршал Григорий Потемкин воспользовался «запасом» – отдал командование осадными войсками Суворову. Тот немедленно вернул все войска к крепости, 2 декабря сам прибыл под Измаил, а 11 декабря взял крепость штурмом. Не верили турки, что кто-то сможет на штурм Измаила решиться и взять его вот так – без длительного строительства батарей, траншей, подкопов.

А войска Суворова через неделю подготовки и через два часа после начала штурма уже стены крепости заняли! Как и не было сильнейшей крепости Европы и гарнизона, превосходящего осаждающих численностью.

Безусловно, полководческое искусство Суворова заключалось и в его знаниях, и в умении (он, к примеру, построил копии стен Измаила и сначала на них штурм отрететировал), но от его знаний и умения не было бы толку, если бы он не был Воином – не стремился сражаться.

Строго говоря, он удивляет и как руководитель. К примеру, несколько раз в его письмах с просьбой атаковать противника встречаются заверения, что у него все для этого есть. Вот для начальников это уж очень нетипично! А если ты потерпишь поражение, то чем оправдаешься, если у тебя все было для победы? Ну как так можно безрассудно отрезать себе пути к оправданию? – скажет любой нормальный начальник. Но ведь Суворов этим заверением не только себе отрезал пути назад, он отрезал их и начальникам – он не давал начальнику отказать Суворову сражаться! Что тут скажешь – Воин!

Хорошо, – скажут мне, – для начальства он был хорош, а как для своих подчиненных? А почему он должен был быть плохим для таких подчиненных, как он сам? Кто будет жаловаться на начальника, если под его руководством побеждаешь?

Но если не отвечать вопросом на вопрос, то для подчиненного тот начальник хорош, за которым «служба не пропадает», – кто награждает добросовестных и умелых. Вот после Рымника Суворов просит у Потемкина наград для своих подчиненных: «Светлейший Князь, Милостивый Государь! Дерзаю приступить к позволенному мне Вашею Светлостью. Действительно боюсь, чтоб не раздражить... другой список так же не мал, но, Милостивый Государь! где меньше войска, там больше храбрых. Последуйте Вашему блистательному великодушию». Заметьте, что это не просто дежурная просьба, а Суворов уже по второму разу просит наград для своих подчиненных.

Да. Было у Суворова то, что можно считать недостатком, – уж очень славолубив был Суворов. Ну и что? Ну, создавало это некоторые трудности его начальникам в общении с ним, были трудности в общении с некоторыми коллегами, обходившими его в чинах, возможно, славолубие как-то сказывалось на его подчиненных (хотя и непонятно, как, поскольку, по воспоминаниям служивших с ним, Суворов был очень прост в жизни и общении с подчиненными).

Но кому придет в голову затенить этим недостатком то, что А. В. Суворов был лучшим Воином России?

Г. Потемкин

Если теперь заняться начальником Суворова, Григорием Потемкиным, то нужно понимать, что теоретически у Потемкина недостатки, как и у всех людей, были, но вот выделить эти недостатки в чистом виде очень трудно, даже если брать в основу клевету на Потемкина, в которой все недостатки, по идее, должны быть учтены.

Вот, скажем, давайте разберем сибаритство Потемкина, его стремление к роскоши. Был такой недостаток? Ну, был. Но ведь надо понимать, что после того, как Потемкин стал фаворитом Екатерины II (и до самой своей смерти Потемкин был фактическим соправителем России, кем-то вроде тайного, теневого императора), в этой своей роли он подбирал на должности людей, и подбирал самых способных, отбраковывая тупых и ленивых, при этом создавая из тупых и ленивых партию своих противников. При наличии дворянства, особенно при наличии в государстве родовой аристократии, претендующей на власть по праву своего рождения, при любом деятельном руководителе страны у этого руководителя будет оппозиция – будет лагерь противников. Такой лагерь противников был и у Потемкина. И для ободрения своих сторонников ему требовалось показать им, что он, Потемкин, очень силен. Очень! Что они попали в лагерь к очень сильному покровителю.

А по тем временам никто не понимал иного вида силы правителя, кроме его богатства.

В этом смысле мне вспоминаются когда-то читанные сетования революционера-народовольца, «ходившего в народ» и призывавшего уже освобожденных от крепостной зависимости крестьян к бунту. Так вот, по признанию этого революционера, довод о богатстве царя, о роскоши его дворцов даже на нищих русских крестьян никак не действовал и вызывал недоумение: «А как может быть иначе? Ведь это царь, защитник народа! Защитник обязан быть силен, а сила в богатстве!» С точки зрения крестьян, помещики – бездельники и несправедливо живут в роскоши – это так. Но царя не трожь!

Надо понять, что в те времена начальнику косить под скромного демократа было бесполезно – этого никто бы не понял и не оценил. И Потемкин показом своего богатства, показом роскоши ободрял всех тех, кто был с ним, кто был предан ему и России.

Личные же стремления Потемкина к деньгам или к славе, как у Суворова, были, скорее всего, не велики.

Вот он, уже тайный муж Екатерины II, за личное командование войсками в битвах турецкой войны в 1774 году стал кавалером ордена св. Андрея Первозванного. Это был хотя и высший орден государства, но универсальный, дававшийся и за военные, и за гражданские заслуги, а членам императорской фамилии – и просто по факту рождения. Но в следующем году, после заключения с турками мира, стали награждать всех участников войны уже за победу во всей войне. Потемкин милостью Екатерины стал только графом, поэтому прямой воинский начальник Потемкина фельдмаршал Румянцев по итогам войны представил Потемкина, командовавшего войсками в минувшей войне и победителя при Селистрии, к награждению орденом св. Георгия 1-й степени. То есть к награждению высшей степенью сугубо военного и по этой причине самого почетного ордена России.

Но эта высшая боевая награда тогда давалась лишь за выдающиеся победы в битвах, а не за заслуги вообще, и Потемкин отказывается от Георгия 1-й степени, чтобы не дискредитировать этот орден – не брал он в 1775 году никаких крепостей, следовательно, подобной награды не достоин. А такой поступок, согласитесь, показывает отсутствие у Потемкина алчности к наградам, а это уже довольно редкое явление.

С другой стороны, если бы после Потемкина ничего не осталось, кроме воспоминаний о том, как он сорил деньгами (как щук ловил, за амфорами нырял или журавлей в полет провозжал), то это одно. Но ведь Потемкин оставил после себя огромный край, присоединенный

к России. Да ведь и не это главное, поскольку в этом присоединении ценными были не земли (которые тоже были хороши), а окончание многовековых набегов татар на Россию. Главным было установление границ России не по «засечной линии», ненадежной и требовавшей огромных затрат на свое содержание, а на удобных берегах Черного моря.

Потемкин – это выдающаяся защита русского народа от увода в татарское и турецкое рабство.

Потемкина упрекают, что он замахивался «на куски, которые не мог проглотить», то есть планировал больше, чем у России было ресурсов. Да, было такое, ну и что? Ведь за то, что он все же сделал, хватило бы отлить памятники сотням человек.

Вот Австрия смалодушничала, предала и вышла из войны, отдав туркам все, что успела завоевать с помощью России. Европа со всей силы давит на Екатерину, чтобы и Екатерина отдала туркам все завоеванное, включая Крым. Женщина на троне паникует. Но с юга доносится требовательный мужской голос Потемкина: «Булгакову в Варшаве говорить должно одним со мною языком. Ваши же пословицы, что надлежит двери быть или запертой или отворенной, ни да ни нет, не годятся никогда, ибо они предполагают робость, что видя враждующие нам еще смелее пакостить будут... Первое. Я Европы не знаю: Франция с ума сошла, Австрия трусит, а прочие нам враждуют. Завоевания зависят от нас, пока мы не отрелись... И что это, не сметь распоряжаться завоеваниями тогда, когда другие сулят наши владения: Лифляндию, Киев и Крым! Я Вам говорю дерзновенно и как должно обязанному Вам всем, что теперь следует действовать смело в политике. Иначе не усядутся враги наши, и мы не выберемся из грязи».

Потемкин вооруженной рукой защищал Новороссию, Потемкин же и строил Новороссию с невиданными по тем временам темпами. Через четыре года после закладки город Екатеринославль уже отличался «благосостоянием», Херсон ошеломил прекрасной крепостью и кипел работами на верфях, строя корабли Черноморского флота. Приглашались колонисты со всей Европы, запрещено было выдавать с Новороссии беглых крепостных, и через 20–30 верст в Новороссии уже зарождались села. Строились фабрики, сажались леса, закладывались виноградники, и заводилось шелководство. Потом было подсчитано, что в среднем Потемкин ежедневно писал свыше 20 деловых писем и приказов. А ведь надо было эти письма и приказы обдумать, принять по всем вопросам решения и потом обдумать, как эти решения внедрить в жизнь. Сибарит, говорите, был? Очень мало у России было таких сибаритов.

Узнав о смерти Потемкина, Екатерина потеряла сознание, а потом написала: «Снова страшный удар разразился над моей головой. ...Князь Потемкин Таврический умер в Молдавии от болезни, продолжавшейся целый месяц. ...Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца. Цели его всегда были направлены к великому. ...Одним словом, он был государственный человек: умел дать хороший совет, умел его и выполнить. ...По моему мнению, Князь Потемкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что был в состоянии сделать...»

Ну, ладно, – скажут мне. – Екатерина его любила, а что толку было подчиненным от его суесть?

Начнем с тех подчиненных, до которых обычно никому нет дела, скажем, не было до них дела тому же фельдмаршалу Румянцеву. Ведь только Потемкин одел русскую армию так, чтобы было удобно воевать, именно он убедил императрицу не слушать поклонников прусской школы среди русского генералитета: «В России же, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные с педантизмом тогдашнего времени, а наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, в ружейных приемах и прочее. Занимая себя таковой дрянью, и до сего еще времени не знают хорошо самых важных вещей, как-то: марширования, разных построений и оборотов, а что касается до исправности ружья, тут полирова-

ние и лощение предпочтено доброте, а стрелять почти не умеют. Словом, одежда войск наших и амуниция таковы, что придумать еще нельзя лучше к угнетению солдата, тем паче, что он, взят будучи из крестьян, в тридцать лет уже почти узнает узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей, век сокращающих. Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением. Платье должно служить солдату одеждою, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно плод роскоши, требует много времени и иждивения и слуг, чего у солдата быть не может».

Сегодня в российской армии, как невиданное достижение, заменили портянки носками. А что изменилось со времени Потемкина, когда именно Потемкин менял солдатские чулки на портянки? Только то, что Потемкин знал цену этим солдатским носкам и объяснял Екатерине: «Просторные сапоги пред узкими и онучи или портянки пред чулками имеют ту выгоду, что в случае, когда ноги намокнут или вспотеют, можно в первом удобном времени тотчас их скинуть, вытереть портянкою ноги и, обертев их опять сухим уже оной концом, в скорости обуться и предохранить их тем самым от сырости и ознобу. В узких же сапогах и чулках то учинить никак не можно...» В носках нога трется о носки, даже если носки целые, а прочная портянка туго охватывает ногу, и о кожу обуви трется сама портянка, а не нога.

Хорошим подчиненным с Потемкиным служить было в удовольствие, чему примером был Суворов. Вот в вышеприведенной цитате письма от Потемкина Екатерине есть строки: «Я, между неограниченными обязанностями Вам, считаю из первых отдавать справедливость каждому. Сей долг из приятнейших для меня». Ну, ладно, – скажут мне, – заливает Потемкин про то, что награждать подчиненных – для него самый приятный долг.

Но ведь это действительно было так.

Был случай, когда в награждение Суворова вмешалось получение чинов по старшинству – положение, действовавшее, кстати, не только в России. По этому положению офицерам и генералам нельзя было дать следующий чин, если его не получили те, кто возведен в прежний чин раньше. Поэтому, несмотря ни на какое доверие Потемкина и уже благожелательное к себе отношение Екатерины, Суворов звание генерал-аншефа не получил раньше, чем его получили все генерал-поручики, ставшие генерал-поручиками раньше Суворова. Но, оказывается, это положение старшинства при Екатерине действовало и на ордена. И не могла императрица наградить Суворова за Кинбурн, скажем, высшей степенью ордена св. Георгия или высшим орденом империи (св. Андрея Первозванного) потому, что были генералы, получившие звания генерал-аншефов раньше Суворова и этих наград не имевшие. И императрица предлагает Потемкину наградить Суворова деньгами.

Но «светлейший князь», поняв, что нужно Суворову, пишет императрице: «Все описав, я ожидаю от правосудия Вашего наградить сего достойного и почтенного старика. Кто больше его заслужил отличность?! Я не хочу делать сравнения, дабы исчислением имен не унижить достоинство Св. Андрея: сколько таких, в коих нет ни веры, ни верности». («За веру и верность» – девиз ордена Андрея Первозванного.) Потемкин продолжал: «И сколько таких, в коих ни службы, ни храбрости. Награждение орденом достойного – ордену честь. Я начинаю с себя – отдайте ему мои...» Убедил Потемкин Екатерину, возможно, тем, что, как видите, предложил для награждения Суворова снять звезду и ленту ордена со своей груди. И 9 ноября 1787 года последовал ответ: «Я, видя из твоих писем подробно службу Александра Васильевича Суворова, решилась к нему послать за веру и верность Св. Андрея, который сей курьер к тебе и повезет». (От злости и обиды, что Суворов уже награжден этим орденом, а они нет, некоторые генерал-аншефы подали в отставку.) А Потемкин по поводу награждения Суворова высшим орденом империи написал Суворову три записки, и все примерно вот такого содержания: «За Богом молитва, а за Государем служба не пропадает. Поздравляю Вас, мой друг сердешный, в числе Андреевских кавалеров. Хотел было я сам к тебе привезти орден, но много дел в других частях меня удержали. Я все сделал, что от меня зависело. Прошу для меня об употребле-

нии всех возможных способов к сбережению людей... А теперь от избытка сердца с радостью поздравляю... Дай Боже тебе здоровья, а обо мне уже нельзя тебе не верить, что твой истинный друг Князь Потемкин Таврический. Пиши, Бога ради, ко мне смело, что тебе надобно».

И надо понять искреннюю радость Потемкина от награждения Суворова. Ведь это Потемкин нашел Суворова, Потемкин Суворова оценил и продвинул, поэтому победа в Кинбурнской баталии – это и лично Потемкина победа. Кто из историков это понимает? Да что историки? Кто это понимает из числа того начальственного быдла, которое подлостью залазит в начальственные кресла?

Не думаю, что Потемкин никогда не ошибался с подбором подчиненных – «чужая душа – потемки». И назначение людей на должность – это такое дело, с которым ошибки случаются чаще всего. Тем не менее предвидения Потемкина порою удивляют.

Одно время у него адъютантом по военно-морским делам был лейтенант флота Дмитрий Сенявин. Потом Сенявину доверили боевой корабль и первым в истории России кавалером 4-й степени с бантом (за боевые заслуги) только учрежденного ордена Св. Владимира стал капитан-лейтенант Д. Сенявин. Однако в 1791 году контр-адмирал Ф. Ушаков приказал для комплектации новых судов с каждого корабля отослать несколько лучших матросов. Капитану второго ранга Сенявину лучших матросов стало жалко. Ну, жалко! Послал не лучших. Но адмирал тоже знал, кто у него в эскадре «ху», рассердился и арестовал Сенявина заслушание, решив понизить Сенявина в чине. Потемкин начал просить Ушакова за Сенявина, и Ушаков не смог Потемкину отказать. Тот поблагодарил Ушакова: «Федор Федорович. Ты хорошо поступил, простив Сенявина. Он будет со временем отличным адмиралом и даже, может быть, превзойдет самого тебя». И как в воду глядел Потемкин: превзошел Сенявин Ушакова или не превзошел – это вопрос к специалистам. Но вот то, что из Сенявина адмирал получился отличный, – этого у Сенявина не отнимешь.

И можно понять Суворова, восторженно написавшего в 1789 году о Потемкине: «Он честный человек, он добрый человек, он великий человек! Щастье мое за него умереть!»

Екатерина II Великая

А теперь перейдем к очень непростому руководителю – к императрице Екатерине II.

Недостаток Екатерины II уже несколько столетий множество историков, писателей и кинематографистов смакует и смакует – формально получается, что императрица была, как это говорится в народе, «слаба на передок». Любовников, или, как их тогда почтительно звали, фаворитов, у нее было за двадцать, причем последний, Платон Зубов, стал любовником Екатерины, когда императрице было уже 70, а ему 22. Что тут сказать? Алле Пугачевой есть еще куда творчески расти.

Я не специалист сексопатологии, характеристики в этом вопросе могу дать только простые, мужицкие, однако меня в сексуальной жизни Екатерины II смущают некоторые непонятные мне подробности. Во-первых, целый ряд фаворитов был для нее не просто рядом кобелей, а она их действительно любила, особенно в своей относительной молодости. Да и с тем же Григорием Орловым она прожила 12 лет, имела с ним сына и, продолжая его любить, прощала Григорию многочисленные измены. С Потемкиным вообще отдельная история, но вот, скажем, любовь ее к Ланскому, который был моложе Екатерины на 29 лет. Когда Ланской умер, императрица настолько сильно переживала, что сама оказалась близка к смерти. Закрывшись в своих комнатах, она перестала выходить и встречаться с кем-либо и впала в такую глубокую депрессию, что соратники запаниковали и вызвали с юга Потемкина, который несколько месяцев терпеливо проявлял чудеса изобретательности, чтобы расшевелить императрицу, вернуть ей интерес к жизни и этим заставить вернуться к государственным делам. Только через два месяца после смерти Ланского Екатерина впервые вышла из своих комнат к обеду в церковь, и лишь через полгода привлеченный Потемкиным к лечению красивый адъютант Потемкина Ермолов сумел обратить внимание Екатерины II на себя как на мужчину.

С этим делом как бы еще понятно – если древние старички влюбляются в юных девочек, то почему бы и бабушкам не влюбляться в юных мальчиков? Может быть, и так может быть.

Однако мне совершенно не понятно то, что и фавориты тоже искренне любили Екатерину как любовницу, причем и далеко не в молодом ее возрасте. Да, были фавориты, которые стремились к деньгам, участвовали в интригах, но, к примеру, тот же Ланской ничего у Екатерины не просил и никакой политикой не занимался – он просто любил Екатерину, страдая от ее измен. Или возьмите Завадовского, адъютанта Потемкина, которого Потемкин оставил Екатерине после себя в связи с необходимостью самому присутствовать в Новороссии. Екатерине было 47 лет, Завадовский был на 10 лет моложе, но когда они расстались, Завадовский, по словам современников, чрезвычайно эту разлуку переживал и еще 10 лет не женился.

Изумляет и поведение фактических тайных мужей Екатерины II. Когда Екатерина после 12 лет совместной жизни с Григорием Орловым и множества его измен, в конце концов, охладела к этому мужу, то именно Орлов нашел ей достойную замену себе – Григория Потемкина. Дальше – больше. Потемкин начал, в свою очередь, поставлять любовников этой своей тайной жене – все фавориты Екатерины после Потемкина были из его свиты (кроме последнего – Платона Зубова).

Как это понять?

Как бы то ни было, но такое обилие фаворитов – часть из которых просто зарилась на деньги, часть лезла в государственные дела, – это, безусловно, было недостатком императрицы, поскольку казна государства и государственные должности не для таких целей предназначаются.

Однако, как я уже когда-то об этом писал, Екатерина была Женщиной с большой буквы (как Суворов был Воином с большой буквы). Сейчас такие Женщины – большая редкость, а раньше их было больше.

Как это надо понимать – кто такая Женщина с большой буквы? Это та, возле которой мужчина чувствует себя Мужчиной. А для мужчины это чувство является высшим удовлетворением, в связи с чем Женщина может воодушевить Мужчину на любые, даже самые тяжелые и опасные дела, и он будет счастлив тем, что Женщина именно ему эти дела поручила и что он делает эти дела потому, что их захотела Женщина. Ведь, собственно, фавориты Екатерины (кроме двух Григориев – Орлова и Потемкина) – это все же любовники, и только. Но возле Екатерины встали и были счастливы ей служить и другие мужчины, не являвшиеся ее любовниками и не претендовавшие на это, скажем, все остальные братья Орловы, Безбородко, Румянцев, Бецкой и многие другие. И это только Мужчины возле Екатерины у трона. А сколько было таких, как Суворов, изредка встречавшихся с Екатериной?

Меня особо впечатляет русский флот тех времен. Ведь начиная со второй половины XIX века по наше время на «подвиги» флота России (даже у своих берегов) без слез взглянуть нельзя. А тогда! Алексей Орлов громит турок аж на Средиземном море, адмирал Чичагов громит шведов на Балтике, адмирал Ушаков громит турок на Черном море. Откуда что бралось, если матросами и офицерами большей частью все еще были не морские волки, а пехота, по необходимости посаженная на корабли и никогда до этого моря не выдававшая? Да и адмирал Сенявин, сначала громивший французов на берегах Средиземного моря, а потом разгромивший турецкий флот в Эгейском море, тоже ведь был из екатерининской эпохи.

Так уж случилось, что именно Екатерине пришлось вершить великие дела, но как ни сильна она была как Женщина, но она все же была не более, чем женщина. И этим она была слаба, и поэтому ей нужен был мужчина, за которого она могла бы спрятаться. Речь идет не о ее жизни как таковой – личных защитников у нее всегда было достаточно. Этой женщине нужно было спрятаться за мужчину при решении тяжелых государственных вопросов – ей нужен был тот, кто принял бы на себя ответственность за поиск путей их решения и нашел бы их. Григорий Орлов, ее длительная настоящая любовь, был надежным защитником ее жизни, но на государственного деятеля он не тянул – не увлекали его государственные дела. А вот Григорий Потемкин оказался тем, кто и нужен был, – он оказался способен руководить Россией и снимать с Екатерины головную боль тяжести государственных решений.

А теперь оцените, что на долю этой женщины выпало как на руководителя государства.

У нас столетиями обывателю внушается, что турки – очень слабый противник. Да, это правильная пропаганда, она нужна, чтобы не бояться этого противника, но это пропаганда. На самом же деле это не так. А по тем временам Османская империя была огромнейшим и мощнейшим государством, занимавшим чуть ли не все берега Средиземного моря, Аравийского полуострова и территории на востоке вплоть до Каспийского моря. На западе границы Османской империи проходили у Вены. Уже на начало XVIII века численность населения Османской империи оценивалась в 30 миллионов человек, а у России, по переписи 1719 года, – всего 15,7 миллиона. Когда Екатерина вступила на царство, то численность населения России (в границах 1720 года по переписи 1763 года) была всего 21,4 миллиона человек.

До этого Османская империя без проблем справлялась с Россией – в 1711 году русская армия под водительством Петра I потерпела поражение от турок на реке Прут, Русско-турецкую войну, которую Россия вела в союзе с Австрией в 1735–1739 годах, Турция выиграла, лишив Австрию Сербии и Валахии, а Россию – Азова.

И вот в царствование Екатерины в мире сложилась очень удачная обстановка – у всех тогдашних крупных стран Европы были нерешенные военные проблемы. Англия, с одной стороны, застряла в войне с новообразовавшимися США, с другой стороны, пользуясь этим случаем, Франция и Испания штурмовали Гибралтар, пытаясь отнять его у Англии и приобрести в свое владение.

Турция оставалась без союзников, зато к союзу с Россией удавалось привлечь Австрию. Автономный Крым бунтовал против своего хана – народ Крыма устал от распрей и неурядиц

и был согласен войти в состав России, Грузия, натерпевшись от власти турок, в очередной раз просилась в состав империи. Ну как было упускать такой случай?!

Однако как было женщине самой решиться на обострение отношений с грозной Османской империей, на обострения, неминуемо приводящие к войне?

Но у этой женщины уже был мужчина, который был не меньшим фанатиком Великой России, нежели сама императрица. У Екатерины II уже был Потемкин, а на него в этом вопросе можно было положиться – за его широкой спиной (за его умом и волей) и женщина, которую угораздило стать императрицей, могла быть спокойной.

От Самойлова, участника тайного венчания Екатерины с Потемкиным, сохранилась информация – когда читавший при венчании «Апостола» Самойлов дошел до слов: «Да убьется жена мужа своего», – Самойлов не решился их произнести и взглянул на императрицу. Та решительно кивнула головой: «Да убьется!» Она устала быть одинокой правительницей огромной империи, она хотела иметь того, кого она могла бы «убояться».

И этот штрих венчания Екатерины – вряд ли легенда.

Екатерина многие годы подряд переписывалась с немецким публицистом бароном Фридрихом Гриммом. В 1785 году Екатерина написала Гримму: «Я глубоко убеждена, что у меня много истинных друзей. Самый могущественный, самый деятельный, самый проникательный – бесспорно фельдмаршал князь Потемкин. ...И надо отдать ему справедливость, что он умнее меня, и все, что он делал, было глубоко обдуманно».

Не менее интересна и оценка отношения Екатерины к Потемкину его врагом – последним любовником Екатерины Платоном Зубовым, думавшим только о личном богатстве и сетовавшим, что он на месте фаворита только из-за Потемкина не стал еще вдвое богаче: «Хотя я победил его наполовину, но окончательно устранить с моего пути никак не мог. А устранить было необходимо, потому что императрица всегда сама шла навстречу его желаниям и просто боялась его, будто взыскательного супруга. Меня она только любила и часто указывала на Потемкина, чтоб я брал с него пример». Когда Потемкин умер, Екатерина горестно сообщала Гримму: «Теперь вся тяжесть правления лежит на мне».

Это отнюдь не значит, что Екатерина при Потемкине манкировала своими обязанностями императрицы и сама не управляла, бросив Россию на Потемкина. Нет, императрицей была она, а поскольку эта Женщина была и просто женщиной, то Потемкину не всегда было с ней легко.

Лопатин сообщает, что сохранились сделанные уже во взрослые годы воспоминания Федора Секретарева – сына камердинера Потемкина. Десятилетний Федя был невольным свидетелем спора Потемкина с Екатериной: «Князь ударил рукой по столу и так хлопнул дверью, уходя из покоев, что задрожали стекла. Императрица разрыдалась. Заметив испуганного Федю, улыбнулась ему сквозь слезы и сказала: “Пойди посмотри, как он?” И Федя идет на половину Потемкина, который сидит за столом в мрачном раздумье. Мальчику удастся привлечь его внимание. “Это она тебя послала?” – спрашивает Потемкин. Простодушное детское отпирательство, слова Феде о том, что “она плачет, сокрушается, что надо бы пойти утешить ее”, поначалу вызывают суровую реплику: “Пусть поревет!” Но вскоре князь смягчается и идет мириться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.